

Научная статья | Original paper

Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков

М.Р. Хуснутдинова ✉, Т.А. Посакалова

Московский государственный психолого-педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ husnutdinovaMR@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Цифровые технологии формируют новые контексты для морального выбора подростков, существенно отличающиеся от традиционных форм социального взаимодействия. Теоретической основой работы выступает концепция «этического разрыва» К. Джеймса в сочетании с современными подходами к изучению влияния цифровой среды на трансформацию моральных норм в онлайн-коммуникации.

Цель. Выявление основных поведенческих практик этического разрыва в онлайн-коммуникации подростков с различным уровнем проблемного использования социальных сетей.

Гипотеза. У подростков с проблемным использованием социальных сетей чаще проявляются поведенческие практики этического разрыва.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 539 подростков в возрасте от 12 до 18 лет ($M = 14$, $SD = 1,7$). Применялся метод поперечного среза с использованием онлайн-опроса. Для диагностики проблемного использования социальных сетей использовался адаптированный опросник, разработанный Н.А. Сирота и соавторами. Разработана специальная структурированная анкета для операционализации индикаторов этического разрыва. Статистическая обработка данных включала U -критерий Манна-Уитни и критерий χ^2 Пирсона.

Результаты. Подростки группы высокого риска значимо чаще находятся в цифровой среде с повышенной концентрацией деструктивного контента, демонстрируют готовность к обсуждению социально-сенситивных тем, используют нецензурную лексику, проявляют негативные эмоциональные реакции на критику, чаще становятся как жертвами, так и инициаторами агрессии. Выявлена значимая связь между структурой семьи и уровнем проблемного использования социальных сетей.

Выводы. Феномен этического разрыва не носит универсального характера даже среди подростков группы высокого риска, о чем свидетельствует сохранение базовых моральных ориентиров у большинства респондентов. Однако можно предполагать, что влияние специфических характеристик цифровой среды способствует ослаблению моральных ориентиров у подростков из групп риска.

Ключевые слова: этический разрыв, проблемное использование социальных сетей, моральные нормы, подростки, онлайн-коммуникация

Для цитирования: Хуснутдинова, М.Р., Посакалова, Т.А. (2026). Этический разрыв в онлайн-коммуникации подростков. *Социальная психология и общество*, 17(1), 93–111. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170106>

© Хуснутдинова М.Р., Посакалова Т.А., 2026

CC BY-NC

The ethics gap in adolescents' online communication

M.R. Khusnutdinova ✉, T.A. Poskakalova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ husnutdinovaMR@mgppu

Abstract

Context and relevance. Digital technologies create new contexts for the moral choices of adolescents, significantly different from traditional forms of social interaction. The theoretical framework of the study is the concept of the “ethical gap” by C. James, combined with modern approaches to studying the influence of the digital environment on the transformation of moral norms in online communication.

Objective. To identify the main behavioral practices of the ethical gap in the online communication of adolescents with different levels of problematic social media use.

Hypothesis. Adolescents with problematic social media use more frequently exhibit behavioral practices associated with the ethical gap.

Methods and materials. The study involved 539 adolescents aged 12 to 18 ($M = 14$, $SD = 1,7$). A cross-sectional design was used with an online survey. Problematic social media use was diagnosed using an adapted questionnaire based on the Bergen Facebook Addiction Scale. A special structured questionnaire was developed to operationalize indicators of the ethical gap. Statistical analysis included the Mann-Whitney U-test and Pearson's χ^2 test.

Results. Adolescents in the high-risk group were significantly more likely to be in a digital environment with a higher concentration of destructive content, demonstrated a willingness to discuss socially sensitive topics, used profanity, exhibited negative emotional reactions to criticism, and were more frequently both victims and initiators of aggression. A significant association was found between family structure and the level of problematic use of social media.

Conclusions. The phenomenon of the ethical disconnect is not universal, even among adolescents in the high-risk group, as evidenced by the preservation of basic moral guidelines among the majority of respondents. It can be assumed that the influence of specific characteristics of the digital environment contributes to the weakening of moral guidelines among adolescents from risk groups.

Keywords: ethical gap, problematic use of social media, moral standards, teenagers, online communication

For citation: Khusnutdinova, M.R., Poskakalova, T.A. (2026). The ethics gap in adolescents' online communication. *Social Psychology and Society*, 17(1), 93–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170106>

Введение

Трансформация современного коммуникативного пространства в сторону виртуализации способствует формированию особой среды социального экспериментирования, где в силу опосредованности взаимодействия частично

стираются границы дозволенного (Ускова, 2023) и создаются условия для пересмотра устоявшихся этических норм. Анализ коммуникативных практик подростков в социальных сетях выявляет устойчивую тенденцию к проявлению агрессивных поведенческих установок

в цифровой среде (Собкин, Федотова, 2022). Эмпирические исследования фиксируют распространение различных форм деструктивного взаимодействия, включая кибербуллинг, публичные оскорбления, мошеннические действия, троллинг и хейтинг (Собкин, Федотова, 2019; Солдатова и др., 2015).

В качестве теоретической основы исследования подобной трансформации в онлайн-коммуникации подростков в нашей работе используется концепция «этического разрыва» К. Джеймс. Под этическим разрывом автор понимает утрату чувствительности к морально-этическим аспектам поведения в цифровой среде (Ломская, 2016). В контексте настоящей статьи этот концепт интерпретируется как рассогласование между моральными нормами, которые подростки применяют в офлайн- и онлайн-взаимодействии.

Актуальность изучения феномена этического разрыва связана с широким распространением и влиянием социальных сетей на межличностное взаимодействие, где сочетание таких факторов, как анонимность, алгоритмическая персонализация контента и отсутствие физического контакта, формирует предпосылки для трансформации моральных ориентиров (Ellison et al., 2016). Рассмотрим указанные факторы подробнее.

Согласно современным исследованиям, моральная ответственность в онлайн-контексте значимо ниже, чем в офлайн-взаимодействиях с семьей и друзьями (Saulnier, Krettenauer, 2023). Анонимность в онлайн-пространстве ослабляет социальный контроль и способствует моральной отстраненности. Подростки, используя псевдонимы или полностью скрывая личность, чаще оправдывают собственное

антисоциальное поведение. Кибербуллинг — одно из самых ярких проявлений этического разрыва. В подавляющем большинстве случаев (78%) его устраивали незнакомцы (Мироненко, 2023).

Социальные сети предоставляют подросткам широкие возможности для конструирования социальных идентичностей, включая экспериментирование с ролевыми моделями и стратегиями самопрезентации (Хуснутдинова, Посакалова, 2023; Корниенко, Руднова, 2024). Анонимность помогает подросткам преодолевать социальные барьеры (например, обсуждение запретных тем), но одновременно снижает восприятие последствий своих действий (Ellison et al., 2016). Экспериментирование с социальными ролями в цифровой среде может приводить к противоречию между реальным и виртуальным «Я», идеализированные образы не соответствуют реальным ценностям, усиливая внутреннюю противоречивость. Кроме того, конструируя виртуальные идентичности, подростки ориентируются на социальное одобрение, а не внутренние этические принципы. Это приводит к ситуативному моральному релятивизму, когда действия в сети воспринимаются как «менее реальные» (Ellison et al., 2016).

Существенным фактором, детерминирующим развитие этического разрыва, выступает алгоритмическая организация цифровой среды. Технические алгоритмы, адаптирующие контент на основе пользовательского поведения и предпочтений (рекомендательные системы, таргетированные ленты), усиливают нормативную поляризацию между онлайн- и офлайн-пространствами и способствуют распространению провокационного контента (Milano et al., 2020).

Алгоритмическая персонализация создает условия для фрагментации морального сознания подростков, затрудняя формирование устойчивых этических представлений и стимулируя принятие поверхностных, реактивных моральных решений. Офлайн-мораль требует более взвешенного и критического подхода, так как основана на способности к самостоятельному выбору, а не только на подражании чужим действиям (Дворянчиков, Шепелева, 2021). Копирование моделей поведения из онлайн-пространства (например, агрессивного общения или неэтичных действий) под влиянием авторитетных сверстников или блогеров нарушает формирование устойчивой системы моральных принципов.

Третьим фактором является опосредованный характер цифровой коммуникации, характеризующийся отсутствием физического контакта и дистанцией от последствий действий. Могут появляться амбивалентные эмоциональные состояния, когда подростки одновременно испытывают переживания вдохновения и зависти, связи и изоляции (Wal et al., 2024). Эти противоречия приводят к непониманию этических норм и снижению эмпатии.

Важным аспектом проблемы является связь негативных инцидентов с импульсивными реакциями подростков (Francisco et al., 2023). В этом контексте перспективным представляется внедрение технологических решений, включающих не только отсрочку отправки сообщений, но и системы анализа эмоционального тона коммуникации. Такие решения могли бы предупреждать пользователей об оскорбительном контенте и предоставлять возможность для рефлексии. До-

полнительным направлением может стать разработка механизмов контекстного анализа, учитывающих историю взаимодействия пользователей и способных идентифицировать эскалацию конфликта на ранних стадиях. Эти меры по развитию цифровой рефлексивности в комплексе могут способствовать формированию более ответственного онлайн-поведения.

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать, что феномен этического разрыва является комплексной проблемой и обусловлен анонимностью коммуникации, алгоритмической персонализацией контента, опосредованным характером цифрового взаимодействия. В рамках данной статьи предложен анализ различий в моральном поведении между подростками с проблемным и беспроblemным использованием социальных сетей. Такой сравнительный подход позволяет выявить группы риска, но главное — определить специфические поведенческие маркеры этического разрыва.

В реализованном исследовании под проблемным использованием социальных сетей понимается поведение, характеризующееся комплексом признаков: предпочтением онлайн-общения, использованием социальных сетей для регуляции эмоций, когнитивной поглощенностью ими, компульсивным использованием и переживанием негативных последствий (Сирота и др., 2018).

С целью операционализации понятия «этического разрыва» были выделены три ключевых эмпирических индикатора, доступных для верификации через метод самоотчета (самозаполнение методического инструментария подростками):

1. нормализация потребления девиантного и агрессивного контента (про-

смотр соответствующего контента, об-
суждение сензитивных тем);

2. снижение эмпатии и ответственности (нецензурная лексика, оскорбительные высказывания в форме злой шутки, столкновение с деструктивным поведением в свой адрес);

3. негативные эмоции и поведенческие паттерны на критику в свой адрес.

Исходя из теоретических предпосылок, сформулирована гипотеза о том, что у подростков с проблемным использованием социальных сетей чаще проявляются поведенческие практики этического разрыва по сравнению с ровесниками, у которых отсутствует проблемное использование.

Целью настоящего исследования является анализ основных поведенческих практик этического разрыва в онлайн-коммуникации подростков с различным уровнем проблемного использования социальных сетей.

Материалы и методы

Исследование выполнено в рамках количественного подхода с использованием метода поперечного среза (однократный сбор данных в фиксированный момент времени). Для сбора эмпирических данных применялся онлайн-опрос посредством технологии CAWI¹ с самостоятельным заполнением структурированной анкеты респондентами.

Формирование выборки осуществлялось методом стихийного отбора по трем каналам рекрутинга участников. Первый — прямое распространение ссылки на анкету

через образовательные учреждения-партнеры — две средние общеобразовательные школы города Москвы и одна школа Московской области. Педагогические работники данных учреждений обеспечили распространение анкеты среди всех учащихся 7–9 классов. Второй канал: размещение ссылки на опрос на официальном веб-сайте Центра междисциплинарных исследований современного детства МГППУ, в официальных аккаунтах Центра в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram), а также рассылка по базе подписчиков на информационные материалы и мероприятия Центра с просьбой о распространении информации. Третий канал: информирование педагогических работников образовательных организаций Москвы и Московской области с просьбой распространить приглашение к участию в исследовании среди учащихся 7–9 классов.

Выборочная совокупность составила 539 подростков в возрасте от 12 до 18 лет ($M = 14$, $Me = 14$, $Mo = 12$, $SD = 1,7$). Период сбора данных — май-июнь 2022 года. Распределение по возрастным группам показало, что основную часть выборки (91%) составили подростки от 12 до 16 лет, в то время как доля респондентов 17–18 лет была незначительной (9%). Гендерное распределение: девушки — 56% ($n = 302$), юноши — 44% ($n = 237$).

Для комплексной диагностики исследуемых переменных была разработана структурированная анкета, включающая несколько тематических блоков. Первый блок содержал вопросы социально-де-

¹ CAWI (Computer Assisted Web Interviewing) — это техника опроса, при которой требуется интернет-подключение. Респондент заполняет электронную анкету без помощи спрашивающего. Анкета присылается (e-мэйл, социальные сети и иные сервисы) или отображается на сайте (как фрейм, виджет, ссылка на ресурс с анкетой) [Словарь социолога и маркетолога на Sociotrix.com, 2025].

мографического характера: возраст, пол, класс обучения, состав семьи, образовательный уровень родителей.

Второй блок был направлен на анализ коммуникативных практик подростков в цифровой среде и в том числе включал вопросы, позволяющие выявить этический разрыв (индикаторы представлены выше).

Третий блок – стандартизированный опросник для оценки проблемного использования социальных сетей. Применен адаптированный опросник, разработанный на основе The Bergen Facebook Addiction Scale. Методика была апробирована и валидизирована на русскоязычной выборке коллективом авторов (Н.А. Сирота, Д.В. Московченко, В.М. Ялтонский, А.В. Ялтонская) и адаптирована для оценки использования социальных сетей в целом (Сирота и др., 2018). Опросник включает 15 пунктов, измеряемых по семибальной шкале Лайкерта (1 – полностью не согласен, 7 – полностью согласен). Теоретический диапазон суммарного балла составляет от 15 до 105 баллов.

С целью разбиения выборки на группы реализована следующая процедура обработки данных. Все ответы по 15 пунктам опросника суммировались, формируя интегральный показатель. Были подсчитаны проценты для трех равных групп, значения составили 39 и 56 баллов. На основании этих данных сформированы три категории: низкий уровень проблемного использования (15–39 баллов), средний уровень (40–56 баллов), высокий уровень (57–105 баллов). В дальнейшем

анализе осуществлялось сравнение двух полярных групп (низкий и высокий уровень), что позволило выявить различия в паттернах онлайн-коммуникации.

Группу с низким уровнем проблемного использования составили 180 подростков (33% выборки), группу с высоким уровнем – 175 подростков (32% выборки). Возрастное распределение: 12–13 лет – 46% в группе с низким уровнем и 43% с высоким уровнем; 14–15 лет – 31% и 34% соответственно; 16–17 лет – 23% и 24%. Статистически значимых различий по возрасту между группами не выявлено.

Гендерное распределение показало незначительное преобладание девушек в группе высокого уровня проблемного использования: в группе низкого уровня – 52% девушек и 48% юношей, в группе высокого уровня – 58% девушек и 42% юношей. Уровень образования родителей не различался между группами.

Значимым дифференцирующим фактором выступила структура семьи ($\chi^2 = 26,230$, $df = 6$, $p < 0,001$). В полных семьях с обоими биологическими родителями проживают 81% подростков из группы низкого уровня проблемного использования и 59% – из группы высокого уровня. В неполных семьях или семьях с одним биологическим родителем проживают 17% подростков группы низкого уровня и 37% – группы высокого уровня².

Статистическая обработка данных выполнялась в программе SPSS Statistics 27. Применены непараметрические кри-

² Сумма по каждой из групп не равна 100% из-за наличия в выборке небольшой доли подростков, проживающих в иных семейных условиях – с бабушкой и/или дедушкой, другими родственниками (2% подростков из группы низкого уровня и 4% – из группы высокого уровня).

терии: U-критерий Манна-Уитни и критерий χ^2 Пирсона.

Результаты Паттерны реагирования на агрессивный материал

Результаты анкетирования позволили выявить специфические паттерны взаимодействия подростков с деструктивным контентом в социальных сетях. При встрече с подобной информацией доминирующей стратегией реагирования выступает игнорирование и избегание просмотра подобного материала (рис. 1). Несмотря на то, что контент агрессивного характера присутствует в информационной ленте у 30% подростков с низким уровнем проблемного использования социальных сетей и 54% — с высоким, подавляющее большинство подростков из обеих групп (94% из группы с низким уровнем риска и 86% — с высоким) воздерживаются от его просмотра.

Вместе с тем группы значительно различаются по частоте встречаемости различных

типов контента, нарушающего морально-этические нормы. С помощью U-критерия Манна-Уитни выяснилось, что подростки с проблемным использованием социальных сетей статистически значимо чаще сообщали о присутствии в их цифровой среде следующих категорий деструктивного контента: «жестокое видео, где есть насилие над людьми или животными» — 14% в группе низкого уровня против 23% в группе высокого уровня ($p = 0,04$); «взрослый контент 18+» — 9% и 19% соответственно ($p = 0,01$); «все вышеперечисленное» — 10% в группе низкого риска и 31% в группе высокого риска ($p < 0,001$).

Полученные данные указывают на то, что подростки группы высокого риска находятся в цифровой среде с повышенной концентрацией деструктивного контента, что может быть обусловлено как алгоритмами персонализации контента, адаптирующимися к поведенческим паттернам пользователей, так и принадлежностью к специфическим онлайн-сообществам с менее строгими правилами.

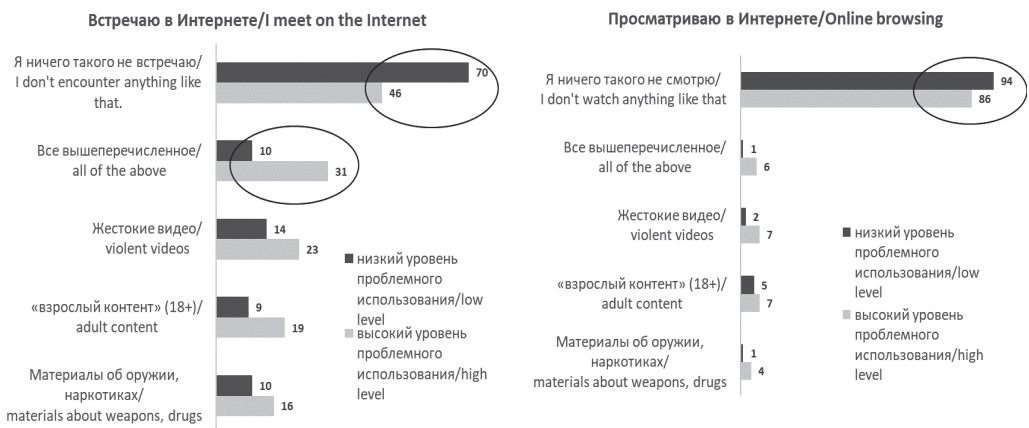

Рис. 1. Опыт столкновения с деструктивным контентом
 Fig. 1. Exposure to destructive content

Обсуждение запретных тем: проявление двойных этических стандартов

В подростковом возрасте естественным образом возникает интерес к социально-сензитивным темам, обсуждение которых затруднено в непосредственном общении. Цифровая среда создает альтернативное пространство, где подростки могут обращаться к вопросам, вызывающим смущение или стыд при личном взаимодействии.

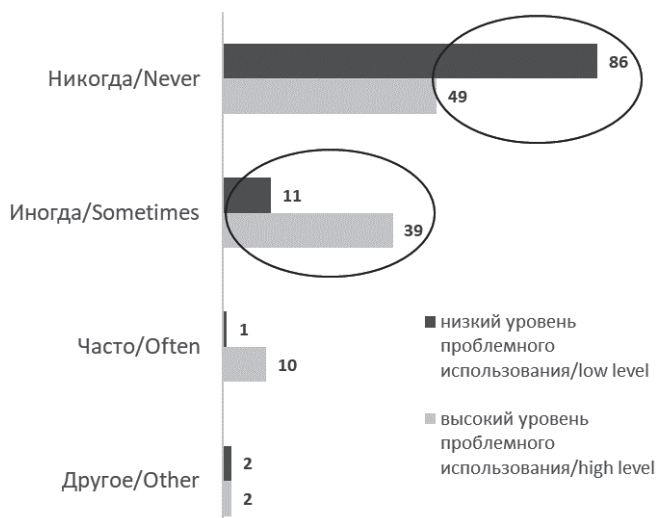
Результаты выявили статистически значимые различия между группами ($\chi^2 = 69,990$, $df = 10$, $p < 0,001$). Группа с высоким уровнем проблемного использования демонстрирует существенно более высокую готовность к обсуждению таких тем: 49% респондентов сообщили о периодическом («иногда») или регулярном («часто») обращении к ним, причем для 10% подростков это систематическая

практика (рис. 2). В группе с низким уровнем проблемного использования 86% респондентов «никогда» не обращаются к темам, вызывающим смущение в реальной жизни, и лишь 11% делают это «иногда».

Полученные данные позволяют предположить, что подростки из группы высокого риска склонны видеть в онлайн-пространстве среду, где допустимо обсуждать темы, считающиеся ими неприемлемыми для реального общения. Это может указывать на их субъективное представление о цифровой среде как пространстве с ослабленными моральными ограничениями.

Применение ненормативной лексики

Употребление нецензурной лексики в онлайн-коммуникации среди опрошенных подростков носит ограниченный

Рис. 2. Коммуникация на социально-сензитивные темы
Fig. 2. Communication on socially sensitive topics

характер (рис. 3). В группе с высоким уровнем проблемного использования социальных сетей регулярное применение нецензурных выражений отмечается только у 14% респондентов.

Статистический анализ продемонстрировал, что значимо чаще нецензурная лексика в онлайн-общении характерна для подростков с проблемным использованием социальных сетей ($\chi^2 = 31,040$, $df = 10$, $p < 0,001$). Среди подростков с беспроблемным использованием социальных сетей две трети (73%) сообщили, что «никогда» не используют грубые слова, 23% указали на редкое применение («иногда»), и лишь 2% — на регулярное («часто»). В группе с проблемным использованием более половины (54%) также воздерживаются от нецензурных выражений, но у 29% отмечается их эпизодическое использование.

Деструктивный юмор в социальных сетях

В ходе анализа данных были сопоставлены ответы респондентов на вопросы о собственной склонности к использованию злых шуток в адрес других пользователей, а также об опыте становления их жертвой. Выяснилось, что подростки обеих групп чаще сообщают о случаях, когда подвергались нападкам со стороны других пользователей, нежели о совершении подобных действий (рис. 4). Особенно данная тенденция выражена в группе с проблемным использованием социальных сетей: совокупный показатель ответов «иногда» и «часто», отражающих личный опыт встречи со злыми шутками, составляет 63% против 33% в группе с беспроблемным использованием ($\chi^2 = 31,578$, $df = 10$, $p < 0,001$); аналогичный показатель при самоотчете о совершении

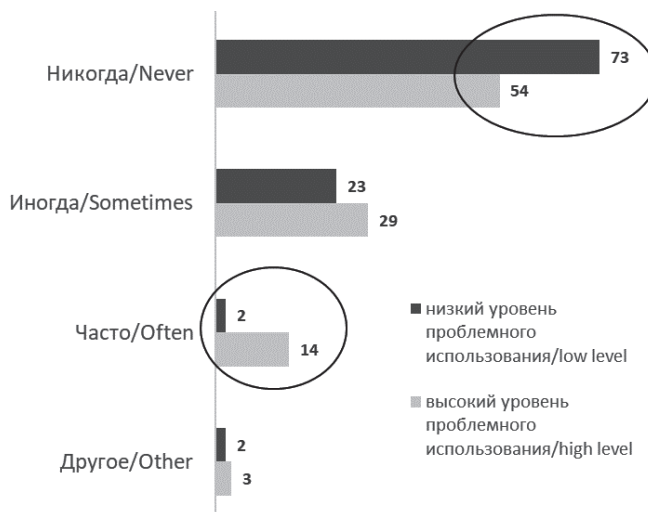

Рис. 3. Употребление грубой разговорной речи
Fig. 3. Use of coarse language

нападок — 30% и 8% соответственно ($\chi^2 = 50,617, df = 10, p < 0,001$).

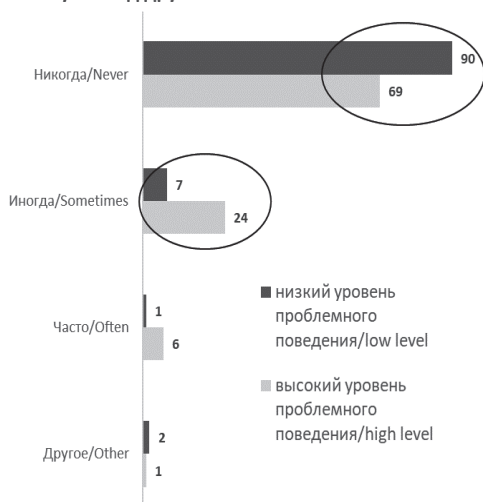
Следует отметить, что большинство респондентов обеих групп выбрали ответы «никогда» или «иногда» по обоим вопросам, что указывает на относительно низкую частоту распространенности описанных поведенческих практик. В группе с низким уровнем проблемного использования 66% подростков никогда не становились жертвами насмешек, а 90% не принимали на себя роль агрессора; в группе с высоким уровнем — 34% и 69% соответственно. Только 10% подростков с выраженным проблемным использованием социальных сетей и 6% в беспроблемной группе сообщили об опыте регулярного воздействия (вариант ответа «часто»).

На основе полученных данных можно заключить, что подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще

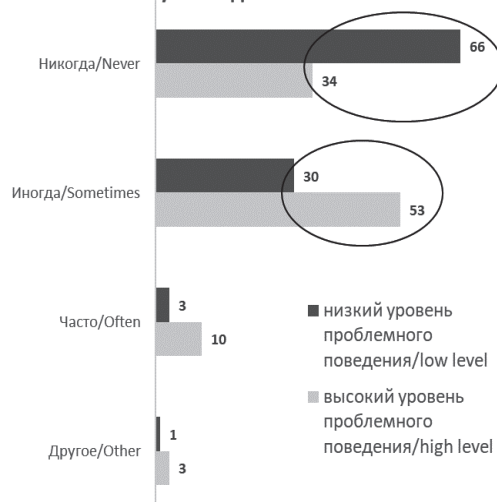
оказываются как объектами, так и инициаторами агрессии в онлайн-среде. При этом субъективное восприятие себя как жертвы встречается существенно чаще, чем признание собственного агрессивного поведения, что частично может объясняться социально желательными стратегиями ответов.

Кроме того, подростки из группы с проблемным использованием чаще сталкиваются со следующими рисковыми ситуациями ($\chi^2 = 46,368, df = 12, p < 0,001$): «взламывали страничку и рассылали спам от моего имени» (9% в группе с проблемным использованием и 6% — с беспроблемным использованием), «систематически писали гадости и преследовали» (10% и 2% соответственно), «делали предложения, которые заставляли чувствовать себя неловко» (8% и 1% соответственно), «делали противозаконные предложения» (5% и 1%).

Злые шутки над другими пользователями

Злые шутки надо мной

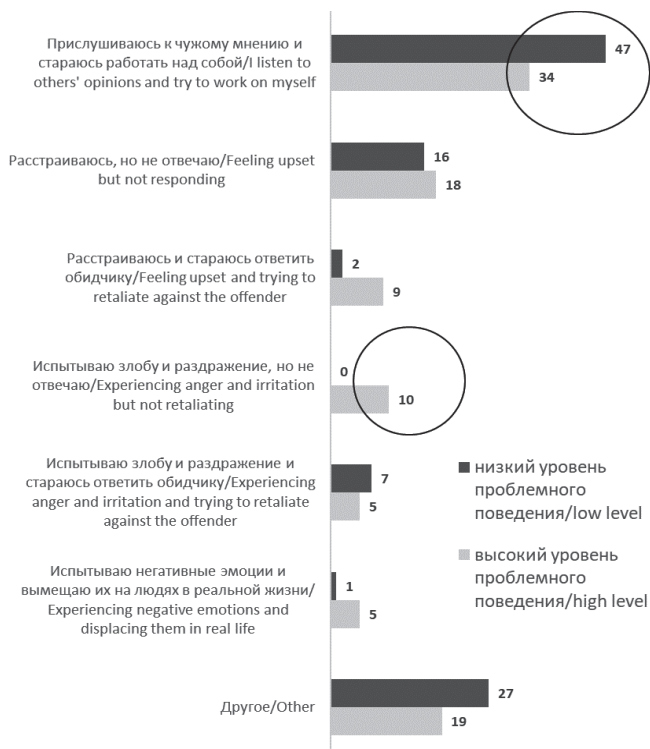

Рис. 4. Злые шутки: жертвы и инициаторы
Fig. 4. Hostile humor: victims and perpetrators

Эмоциональные переживания и поведенческие реакции подростков на критику

Большинство респондентов из обеих групп склонны положительно воспринимать критику в свой адрес, учитывая чужое мнение и стремясь к самосовершенствованию (47% в группе с беспроблемным использованием и 34% в группе с проблемным использованием, рис. 5). Вместе с тем подростки с проблемным использованием соцсетей чаще испытывают негативные эмоции в ответ на критику ($\chi^2 = 45,280$, $df = 16$, $p < 0,001$). Более 27% из них испытывают огорчение — «расстраиваюсь, но не отве-

чаю» или «расстраиваюсь и стараюсь ответить обидчику», 15% испытывают злость и раздражение (из них 10% не отвечают, а 5% отвечают обидчику), а 5% проявляют боль и злость, срываясь на окружающих в реальной жизни. Интересно, что 10% подростков с проблемным использованием в состоянии злости и раздражения предпочитают не отвечать на критику, тогда как в группе с низким уровнем проблемного использования такой реакции нет. Эти данные свидетельствуют о более сложных и противоречивых эмоциональных стратегиях реагирования на критику среди подростков с проблемным использованием социальных сетей.

Рис. 5. Отношение к критике
Fig. 5. Reactions to criticism

Обсуждение результатов

В рамках статьи исследована взаимосвязь между этическим разрывом и проблемным использованием социальных сетей. Результаты исследования подтверждают основную гипотезу о том, что подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще демонстрируют проявления этического разрыва.

Согласно современным авторам, основными предикторами агрессии и девиантного поведения в Сети выступают низкий уровень эмпатии, недостаточная семейная поддержка, слабо развитые социальные навыки, опыт жертвы кибербуллинга, проживание в неполной семье, а также длительное время, проведенное в социальных сетях (Горлова и др., 2021; Ломская, 2016; Белинская, 2013; Князева, Иванцова, 2018). Международное исследование PISA-2015 (Бочавер и др., 2019) показало, что детям, проводившим более 6 часов онлайн ежедневно за пределами школы, характерны низкая удовлетворенность жизнью, высокий риск стать жертвой травли, переживание одиночества, низкие академические успехи и отсутствие притязаний на дальнейшее образование.

Существенным результатом исследования является выявление связи между структурой семьи и уровнем проблемного использования социальных сетей. Значимость наличия полной семьи подтверждена в целом ряде работ. Здесь мы бы хотели несколько подробнее рассмотреть возможные причины, которые стоят за данной связью и косвенно указывают на дефицит эмоциональной поддержки и качества детско-родительских отношений в группе высокого риска.

Этический разрыв усугубляется, когда присутствует конфликт между авто-

номией подростков и контролирующими практиками родителей (Livingstone, Helsper, 2008; Солдатова и др., 2015). Различия между поколениями проявляются в восприятии рисков, цифровой компетентности и моральных установках. Родители фокусируются на количестве времени, проводимом в Сети, и контенте (чаще всего на сексуальных материалах), подростки — на коммуникационных рисках (травля, незнакомцы). Это создает дисбаланс в оценке угроз (Солдатова и др., 2015). При этом взрослые склонны к морализаторству и детерминистским стратегиям, что усугубляет проблему.

Большинству родителей проще следить за онлайн-поведением посредством специальных программ, нежели говорить на «запретные темы». В итоге родители часто недооценивают потенциальные угрозы и выбирают неэффективные стратегии действия. Например, многие подростки, которые подвергаются кибербуллингу, боятся говорить о своих проблемах родителям, так как те в качестве решения проблемы используют «ограничительный мониторинг» (Helfricha et al., 2020) и лишают доступа к гаджетам, а этого подростки боятся еще больше.

Опасения родителей, что дети много времени проводят в интернете и социальных сетях, во многом связаны с невозможностью контролировать их действия. Популярным решением является структурирование их деятельности с установленным расписанием, так же как и в реальной жизни посредством дополнительной занятости (кружки, секции, домашние обязанности и т.д.). Ряд авторов утверждает, что неструктурированная деятельность в онлайн-пространстве способствует отклонениям в поведении

и правонарушениям, так как исключает социальный контроль со стороны взрослых (Ward, Forney, 2020). Но современные исследования не подтверждают однозначность положительного влияния внешкольной структурированной деятельности для предотвращения поведенческих проблем у подростков. Сами по себе контроль и организация времени не настолько важны, как их наполненность эмоциональной поддержкой родителей (Пунгина и др., 2022; Королева, 2023; Дубров, 2025; Корниенко и др., 2025). Кроме того, значимым является уровень цифровой компетентности родителей: те, у кого высокий уровень, чаще воспринимают ребенка как активного субъекта цифровой действительности (Писаренко, Заиченко, 2021). Замена запретов на совместный анализ контента оказывается более эффективной (Livingstone, Helsper, 2008).

Таким образом, важен переход от иерархического контроля к модели диалога, где родители и другие значимые взрослые совместно с подростками конструируют цифровые этические нормы взаимодействия. Ключевые условия: эмпатия, доверие и признание автономии подростков (Liu et al., 2023; Ang, 2015; Livingstone, Helsper, 2008). Одной из популярных концепций по формированию у подростков эмпатии является «цифровая этика заботы», предложенная Мишель О'Рейли, Дайаной Левин и Эффи Лоу (O'Reilly et al., 2020). Ключевая идея в признании подростков субъектами морального выбора, а не объектами рисков. Как отмечают авторы, это ключ к психическому благополучию в гибридном (онлайн/офлайн) мире. Онлайн- и офлайн-миры сливаются. Поведение в соцсетях — часть целостной идентично-

сти подростка. Нравственные принципы должны быть едины в обоих пространствах. Подростки не изолированы в Сети: их действия влияют на благополучие других. Они не пассивные пользователи, так как обладают агентностью и способны вносить изменения посредством осознанного выбора этического поведения: контролировать контент, поддерживать других, противостоять буллингу.

Практическое применение данной концепции, по нашему мнению, возможно в пространстве взаимной эмпатии взрослых и детей. Взрослым следует не «учить», а прежде всего самим действовать из состояния «эмпатии» в процессе коммуникации с детьми, в повседневных практиках взаимодействия.

Заключение

Согласно полученным результатам, нарушение моральных норм в онлайн-коммуникации (этический разрыв) подростками не является широко распространенной поведенческой практикой, включая и тех, кто демонстрирует высокий уровень проблемного использования социальных сетей. Большинство респондентов понимает неприемлемость определенных форм поведения (избегание агрессивного контента, преимущественно положительное отношение к критике), что свидетельствует о сохранении базовых моральных ориентиров. Однако систематическое воздействие факторов цифровой среды создает условия для постепенной эрозии этих ориентиров среди уязвимых групп подростков.

Сравнительный анализ двух полярных групп респондентов показал, что этический разрыв концентрируется в группе подростков с проблемным использовани-

ем социальных сетей. Обнаружены значимые различия по всем операционализированным индикаторам. Подростки с проблемным использованием социальных сетей чаще сталкиваются с деструктивным контентом в своих информационных лентах, обсуждают социально-сензитивные темы, используют нецензурную лексику в речи, вовлекаются в деструктивные коммуникативные практики как в роли жертвы, так и в роли агрессора, остро реагируют на критику и испытывают трудности с контролем эмоций.

Выявленные поведенческие паттерны согласуются с концепцией К. Джеймс о восприятии подростками интернет-пространства как среды с ослабленными моральными ограничениями. Теоретический анализ литературы позволяет шире рассмотреть проблему и сформулировать утверждение, что этический разрыв не является неизбежным следствием цифровизации, но выступает индикатором системных пробелов — в эмоциональной поддержке подростков, адаптации воспитательных практик и правовом регулировании технологических платформ.

Полученные данные могут стать основой для образовательных и психолого-педагогических программ, направленных на развитие цифровой эмпатии, формирование единых моральных принципов в онлайн- и офлайн-среде, с акцентом на диалоговые модели взаимодействия

между подростками и значимыми взрослыми, а также развитие технологических инструментов, способствующих рефлексии онлайн-поведения.

Перспективы исследования включают разработку лонгитюдного дизайна для установления причинно-следственных связей, создание методики измерения этического разрыва.

Ограничения. Метод самоотчета создает риск социально желательных ответов. Стихийная выборка ограничивает интерпретацию результатов. Операционализация этического разрыва через сравнение групп с различным уровнем проблемного использования хотя и позволила выявить значимые различия, не дает возможности измерить индивидуальную величину разрыва между онлайн и офлайн моральным поведением у одних и тех же подростков. Разработка специализированных инструментов для прямого измерения этического разрыва является важной методологической задачей. Необходимы лонгитюдные исследования для выявления траекторий развития этического разрыва.

Limitations. The self-report method carries the risk of socially desirable responses. Random sampling limits generalizability. Longitudinal studies are needed to identify trajectories of the ethical gap's development.

Список источников / References

1. Белинская, Е.П. (2013). Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие. *Психологические исследования*, 6(30). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>
Belinskaya, E.P. (2013). Informational socialization in adolescents: experience of using social networks and psychological well-being. *Psychological Research*, 6(30). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i30.679>

2. Бочавер, А.А., Докука, С.В., Сивак, Е.В., Смирнов, И.Б. (2019). Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков. *Клиническая и специальная психология*, 8(3), 1–18. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
Bochaver, A.A., Dokuka, S.V., Sivak, E.V., Smirnov, I.B. (2019). Internet use and depressive symptoms in adolescents: a review. *Clinical Psychology and Special Education*, 8(3), 1–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psyclin.2019080301>
3. Горлова, Н.В., Бочавер, А.А., Хломов, К.Д. (2021). Предикторы буллинга, кибербуллинга и виктимизации: обзор современных исследований. *Национальный психологический журнал*, 4(44), 3–14. <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0401>
Gorlova, N.V., Bochaver, A.A., Khlomov, K.D. (2021). Predictors of bullying, cyberbullying and victimization: review of current research. *National Psychological Journal*, 4(44), 3–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2021.0401>
4. Дворянчиков, Я.В., Шепелева, Е.С. (2021). Роль TikTok в социализации детей и подростков. *Форум молодежной науки*, 6, 11–16.
Dvoryanchikov, Ya.V., Shepeleva, E.S. (2021). Role of TikTok in the socialization of children and adolescents. *Youth Science Forum*, 6, 11–16. (In Russ.).
5. Дубров, Д.И. (2025). Взаимосвязь между использованием информационно-коммуникационных технологий, внутрисемейным социальным капиталом и агрессивностью подростков. *Социальная психология и общество*, 16(2), 43–60. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>
Dubrov, D.I. (2025). The relationship between the use of information and communication technologies, family social capital and aggressiveness among adolescents. *Social Psychology and Society*, 16(2), 43–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160204>
6. Князева, Т.Н., Иванцова, А.И. (2018). Специфика восприятия детско-родительских отношений детьми и родителями в полных и неполных семьях. *Проблемы современного педагогического образования*, 59(3), 396–400.
Knyazeva, T.N., Ivantsova, A.I. (2018). Specifics of perception of parent-child relationships by children and parents in complete and incomplete families. *Problems of Modern Pedagogical Education*, 59(3), 396–400. (In Russ.).
7. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А. (2024). Фальшивая самопрезентация подростков в социальных сетях: связь с характеристиками использования социальных сетей и одиночеством. *Социальная психология и общество*, 15(2), 47–64. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A. (2024). Adolescents' false Self-Presentation in Online Social Networks: Relationship with Social Media Use, Motives, and Loneliness. *Social Psychology and Society*, 15(2), 47–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150204>
8. Корниенко, Д.С., Руднова, Н.А., Смирнова, Я.К., Калимуллин, А.М., Семенов, Ю.И. (2025). Цифровые предпочтения старших подростков: проблемы онлайн-активности и роль социальной поддержки. *Социальная психология и общество*, 16(2), 78–95. <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
Kornienko, D.S., Rudnova, N.A., Smirnova, Y.K., Kalimullin, A.M., Semenov, Y.I. (2025). Digital media preferences in late adolescence: challenges of online engagement and the importance of social support. *Social Psychology and Society*, 16(2), 78–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2025160206>
9. Королева, Я.П. (2023). Роль родительских стилей воспитания в поддержании и снижении саморегуляции у подростков. *Современная зарубежная психология*, 12(2), 137–147. <https://doi.org/10.17759/jmf.2023120213>

- Koroleva, Ya.P. (2023). The role of parenting styles in maintaining and reducing adolescent self-regulation. *Modern Foreign Psychology*, 12(2), 137–147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120213>
10. Ломская, Т.В. (2016). Потерянные в сети. James C. (2014). Disconnected: youth, new media, and the ethics gap. *The Journal of Social Policy Studies*, 1, 136–142.
Lomskaya, T.V. (2016). Lost in the network. James C. (2014). Disconnected: youth, new media, and the ethics gap. *The Journal of Social Policy Studies*, 1, 136–142. (In Russ.).
11. Мироненко, К. (2023, 10 ноября). Кибербуллинг в 2023 году: это важно знать. *Hi-tech mail*. URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/103998-kiberbulling-eh-to-vazhno-znat/>
Mironenko, K. (2023, November 10). Cyberbullying in 2023: It is important to know. *Hi-tech mail*. (In Russ.). URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/103998-kiberbulling-eh-to-vazhno-znat/>
12. Писаренко, И.А., Заиченко, Л.И. (2021). Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 13(2), 54–80. <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>
Pisarenko, I.A., Zaichenko, L.I. (2021). Parents as agents of influence on children's digital skills development. *Interaction. Interview. Interpretation*, 13(2), 54–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.2.4>
13. Пунгина, А.П., Зайнаготдинова, А.О., Сенникова, М.А., Авдеева, В.П., Одинокова, В.А., Русакова, М.М. (2022). «Чтобы не болтался»: внешкольная деятельность как мера профилактики девиантного поведения детей. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(1), 132–167. <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5>
Pungina, A.P., Zainagotdinova, A.O., Sennikova, M.A., Avdeeva, V.P., Odinokova, V.A., Rusakova, M.M. (2022). “To avoid hanging around”: extracurricular activities as a preventive measure of children's deviant behavior. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 25(1), 132–167. (In Russ.). <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.1.5>
14. Сирота, Н.А., Московченко, Д.В., Ялтонский, В.М., Ялтонская, А.В. (2018). Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей. *Консультативная психология и психотерапия*, 26(3), 33–55. <https://doi.org/10.17759/crp.2018260303>
Sirota, N.A., Moskovchenko, D.V., Yaltonskii, V.M., Yaltonskaya, A.V. (2018). Development of a Russian-language version of the questionnaire for problematic use of social networks. *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 26(3), 33–55. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/crp.2018260303>
15. Словарь социолога и маркетолога на Sociotrix.com. (2025). Получено 30 мая 2025. URL: <https://sociotrix.com/slovar-terminov-sociologiya-i-marketing>
Dictionary of Sociologist and Marketer on Sociotrix.com. (2025). Retrieved May 30, 2025. URL: <https://sociotrix.com/slovar-terminov-sociologiya-i-marketing> (In Russ.).
16. Собкин, В.С., Федотова, А.В. (2019). Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт. *Психологическая наука и образование*, 24(2), 5–18. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240201>
Sobkin, V.S., Fedotova, A.V. (2019). Adolescent aggression in social networks: perception and personal experience. *Psychological Science and Education*, 24(2), 5–18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2019240201>
17. Собкин, В.С., Федотова, А.В. (2022). К вопросу о формах проявления протестной активности подростков. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, 22(3), 22–34.

- Sobkin, V.S., Fedotova, A.V. (2022). On the forms of protest activity of adolescents. *Issues of Mental Health of Children and Adolescents*, 22(3), 22–34. (In Russ.).
18. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И. (2014). Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация. *Национальный психологический журнал*, 3(15), 39–51. <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0305>
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. (2014). Adolescent safety on the Internet: risks, coping, and parental mediation. *National Psychological Journal*, 3(15), 39–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2014.0305>
19. Солдатова, Г.У., Шляпников, В.Н., Журина, М.А. (2015). Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн». *Консультативная психология и психотерапия*, 23(3), 50–66. <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
- Soldatova, G.U., Shlyapnikov, V.N., Zhurina, M.A. (2015). Evolution of online risks: results of a five-year work of the children help line “Kids online.” *Consultative Psychology and Psychotherapy*, 23(3), 50–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpp.2015230304>
20. Ускова, Е.В. (2023). Подросток в цифровой среде: паттерны и риски. *Теория и практика общественного развития*, 2, 82–89. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.11>
- Uskova, E.V. (2023). Teenager in digital environment: patterns and risks. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 82–89. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.2.11>
21. Хуснутдинова, М.Р., Посакалова, Т.А. (2023). От самопрезентации к самопроявлению: стратегии подростков видеоблогеров в социальных сетях. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 1, 127–136. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>
- Khusnutdinova, M.R., Poskakalova, T.A. (2023). From self-presentation to self-manifestation: strategies of teenage video bloggers in social networks. *Oikoumene. Regional Studies*, 1, 127–136. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-1/127-136>
22. Ang, R.P. (2015). Adolescent cyberbullying: A review of characteristics, prevention and intervention strategies. *Aggression and Violent Behavior*, 25(part A), 35–42.
23. Ellison, N.B., Blackwell, L., Lampe, C., Trieu, P. (2016). “The question exists, but you don’t exist with it”: Strategic anonymity in the social lives of adolescents. *Social Media + Society*, 2(4), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2056305116670673>
24. Francisco, S.M., da Costa Ferreira, P., Veiga Sim o, A.M., Pereira, N.S. (2023). Measuring empathy online and moral disengagement in cyberbullying. *Frontiers in Psychology*, 14, 1061482. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1061482>
25. Helfrich, E.L., Doty, J.L., Su, Y.-W., Yourell, J.L., Gabrielli, J. (2020). Parental views on preventing and minimizing negative effects of cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, 118, 105469. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2020.105469>
26. Liu, J., Han, Z., Ma, X., Xin, R. (2023). Moral disengagement and cyberbullying perpetration among adolescents: The moderating role of empathy. *Children and Youth Services Review*, 155, 107178. <https://doi.org/10.1016/j.chilyouth.2023.107178>
27. Livingstone, S., Helsper, E.J. (2008). Parental mediation of children’s internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 52(4), 581–599. <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>
28. Milano, S., Taddeo, M., Floridi, L. (2020). Recommender systems and their ethical challenges. *AI & SOCIETY*, 35(4), 957–967. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-00950-y>
29. O’Reilly, M., Levine, D., Law, E. (2020). Applying a ‘digital ethics of care’ philosophy to understand adolescents’ sense of responsibility on social media. *Pastoral Care in Education*, 39(2), 91–107. <https://doi.org/10.1080/02643944.2020.1774635>

30. Saulnier, L., Krettenauer, T. (2023). Internet impropriety: Moral identity, moral disengagement, and antisocial online behavior within an early adolescent to young adult sample. *Journal of Adolescence*, 95(2), 264–283. <https://doi.org/10.1002/jad.12112>
31. Wal, A., Valkenburg, P.M., Driel, I.I. (2024). In their own words: How adolescents use social media and how it affects them. *Social Media + Society*, 10(2). <https://doi.org/10.1177/20563051241248591>
32. Ward, J.T., Forney, M. (2020). Unpacking within- and between-person effects of unstructured socializing and differential association on solo- and co-offending. *Journal of Criminal Justice*, 70, 101720. <https://doi.org/10.1016/j.jcrimjus.2020.101720>

Информация об авторах

Маргарита Рафаильевна Хуснутдинова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7688-0230>, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Татьяна Анатольевна Посакалова, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Information about the authors

Margarita R. Khusnutdinova, Candidate of Science (Sociology), Senior Researcher, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7688-0230>, e-mail: husnutdinovaMR@mgppu.ru

Tatiana A. Poskakalova, Research Associate, Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4932-0921>, e-mail: poskakalova@gmail.com

Вклад авторов

Хуснутдинова М.Р. — идея статьи; теоретический анализ и формирование концептуальной модели; статистический анализ данных; формирование базы и обработка эмпирических данных; визуализация результатов исследования; написание текста.

Посакалова Т.А. — идея исследования; сбор эмпирических данных; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Margarita R. Khusnutdinova — article idea; theoretical analysis and conceptual model development; statistical data analysis; database formation and empirical data processing; visualization of research results; writing the text.

Tatiana A. Poskakalova — research ideas; collection of empirical data; research planning; research supervision.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Участие в онлайн-опросе было полностью добровольным и анонимным. На первой странице анкеты размещалось подробное информирующее сообщение (шапка опроса), которое содержало: цели исследования, описание процедуры, контактные данные исследователя, заверение об анонимности и праве в любой момент прервать заполнение. Заполнение анкеты и отправка ответов рассматривались как осознанное и добровольное согласие респондента на участие («подразумеваемое согласие»).

Ethics statement

Participation in the online survey was entirely voluntary and anonymous. The first page of the questionnaire contained a detailed information message (survey header), which included: the purpose of the study, a description of the procedure, the researcher's contact information, an assurance of anonymity, and the right to withdraw at any time. Initiating the survey and submitting responses were considered as the respondent's conscious and voluntary consent to participate (so-called "implied consent").

Поступила в редакцию 23.10.2025

Поступила после рецензирования 05.02.2026

Принята к публикации 19.03.2026

Опубликована 30.03.2026

Received 2025.10.23

Revised 2026.02.05

Accepted 2026.03.19

Published 2026.03.30